

Псевдоним она себе придумала еще в школе — свои школьные заметки и стихи подписывала так — «деткор Нора Галь». Нора Галь — это литературный псевдоним Элеоноры Яковлевны Гальпериной (27.04.1912, Одесса — 24.07.1991, Москва), талантливого переводчика и редактора, оставившего глубокий след в современной русской литературе. Очень точно обозначила ее роль в литературе Р. Облонская:

«В наше переломное время нам отчаянно недостает истинных мастеров, истинных интеллигентов. Оттого так важно, чтобы все мы знали о тех, кто самой своей личностью, своим творчеством несет нам свет культуры, способствует ее сохранению. Нора Галь из их числа».

Нора Яковлевна переводила на русский язык с английского и французского: Ч. Диккенса («Одержимый, или Сделка с призраком», повесть); Э. Л. Войнич («Джек Реймонд», роман); Э. А. По (рассказы); Дж. Лондона (повесть, рассказы); К. Маккалоу («Поющие в терновнике», роман); А. Камю («Посторонний», роман и эссе); Дж. К. Оутс («Сад радостей земных», роман); У. С. Моэма (рассказы) и еще много и многих, в том числе и фантастов — А. Азимова, Р. Брэдбери, К. Саймака, Р. Шекли и других. Полный библиографический список ее работ — более трехсот наименований!

Ее влияние было столь значительным, что даже далекие от литературы люди явственно ощущали его. Подтверждением этому является то, что в Солнечной системе есть теперь и «принадлежащая» Норе Галь планета. Она так и называется — NORAGAL. Это малая планета № 4049 (диаметр пятнадцать километров, среднее удаление от Земли сто девяносто миллионов километров), открытая в 1973 году астрономом Тamarой Михайловной Смирновой в Крымской обсерватории. Имя Норы Галь этой планете было присвоено в 1995 году на Международном конгрессе астрономов. Кстати, Нора Яковлевна имеет прямое отношение и к другому космическому телу — астероиду «Маленький принц», названному так в честь героя сказки Антуана де Сент-Экзюпери, которую она блестяще перевела на русский язык.

Биография Норы Яковлевны, по мнению ее друзей и близких, небогата внешними событиями, с чем лично я не вполне согласен. Разве не событие — определение ее в сытую подмосковную лесную школу для ослабленных детей? Школа была знаменита не только тем, что ее снабжали молочными продуктами с фермы «Бодрое детство», но и тем, что именно сюда в 1919 году на новогоднюю ёлку приезжал сам Ильич — В. И. Ленин.

И еще — в 1921 году в этой школе поправляли здоровье сын и дочь Авраама Моисеевича Краснощека, председателя правительства Дальневосточной республики, в миру — Александра Михайловича Краснощекова.

В 1929 году Нора Яковлевна окончила школу, и — разве не событие? — ей удалось поступить в вуз, несмотря на очень даже «некачественное» происхождение. Угораздит же талантливого человека родиться в интеллигентной семье! Естественно, не с первого раза — вступительные экзамены она сдавала семнадцать (!) раз. По-моему, это — абсолютный рекорд. Лишь сорок лет спустя его удалось повторить Ю. А. Воронову, столько же раз выходявшему на защиту докторской диссертации по биологии, тема которой явно не вписывалась в официоз.

В 1937 году Нора Яковлевна, несмотря на все препоны, все же окончила вуз. И в этом же году был репрессирован ее отец, потомственный врач, Яков Исаакович Гальперин. Нелишне отметить, что прадед Норы Яковлевны тоже был врачом и работал на поле боя рядом с Н. И. Пироговым.

Тем не менее упорная и настойчивая Нора Галь довольно скоро защитилась и стала кандидатом филологических наук. Кстати, талант и упорство отнюдь не всегда идут рука об руку. Талантливых людей гораздо больше, чем тех, кого мы знаем по трудам их.

В 1943 году погиб на фронте муж Норы Яковлевны, и она осталась с пятилетним ребенком на руках. Это ли не событие? Это ли не личная трагедия? Спасла ее работа. Зная, как она всю жизнь любила поэзию, уместно вспомнить строки К. Симонова: *«Но работа опять выручает меня, как всегда. Человек выживает, когда он умеет трудиться...»*

И в последующей жизни у Норы Яковлевны случалось немало значительных событий, которые правильной было бы отнести к духовной жизни, — это выход в свет и книг ее переводов, и ее собственной книги, знаменитой «Слово живое и мертвое», это и общественное признание значимости сделанного ею.

Два слова о внешности Норы Яковлевны, которую мне в жизни видеть не довелось. Марк Галлай пишет, что ей были присущи «сохранившаяся с молодых лет внешняя привлекательность» и «печать душевного благородства, мудрости, яркого таланта». Дочь Норы Галь, Эдварда Борисовна Кузьмина, любезно прислала мне несколько фотографий своей мамы, и они живо подтверждают слова Марка Галлая.

КАК ЭТО СЛУЧИЛОСЬ

Всю жизнь я ощущал тягу к игре со словами, к литературному творчеству: сочинял стихи, писал небольшие рассказы, собирал слова и фразы. Однако из-за того, что легко давалась математика, в семье полагали, да я и сам так считал, что мне следует реализовать себя в науке. В конце концов реализовал — стал кандидатом геолого-минералогических наук. Но тяга к литературному творчеству не покидала меня никогда.

Как-то во время очередных геологических работ на Северном Сахалине мы «обследовали» книжный магазин в городе Охе, и я откопал любопытнейшую, совершенно свежую книжицу — «Слово живое и мертвое». Понравилась она мне с ходу: перелистывал, смеялся, запоминал, отдельные места зачитывал друзьям.

Решил написать автору, чтобы, так сказать, лично выразить свой восторг. Какими-то окольными путями раздобыл у ленинградских знакомых ее адрес, причем старей, но письмо все же дошло.

Нора Яковлевна оказалась невероятно доброжелательным человеком и, несмотря на свою огромную занятость, нашла время, чтобы ответить совершенно незнакомому нелитератору. И даже подарила свою книгу с прекрасной дарственной надписью.

В ответ я послал ей довольно крупный образец камчатского халцедона, аккуратно распиленного и отшлифованного. Нора Яковлевна была очень благодарна — она сумела выразить свое чувство словами так, что это приятно щекотало мое самолюбие.

Кроме того, я обещал написать несколько небольших рассказов о моих геологических «полях» на Северном Сахалине. Но, занятый подготовкой диссертации, обещание это так и не выполнил, о чем ныне искренне сожалею. Теперь-то я понимаю, что, безусловно, стоило поднатужиться, чтобы иметь возможность представить свои опысы литератору такого уровня.

А тяга к литературному творчеству с годами все более и более овладевала мной. Не последнюю роль тут сыграло и мое заочное знакомство с Норой Яковлевной Галь.

Нора Галь написала несколько литературоведческих работ. Самой злободневной, на мой взгляд, была и остается книга «Слово живое и мертвое», которая выдержала четыре прижизненных издания (1972, 1975, 1979 и 1987 гг.) и теперь издавалась уже больше десяти раз*. После работ К. И. Чуковского это, пожалуй, наиболее значимая работа такого плана.

Уже первое издание, словно учебник, стало настольной книгой редакторов и переводчиков. Мысли и соображения Норы Галь не теряют своей свежести и значимости и в наши дни. Приведу некоторые из них.

ЦИТАТЫ ИЗ КНИГИ «СЛОВО ЖИВОЕ И МЕРТВОЕ»:

...В художественной прозе почти всякое иностранное слово можно, нужно и полезно заменить русским, а отглагольное существительное — глаголом.

*...И хочется снова и снова бить в набат, звать, умолять, уговаривать: **Берегись канцелярита!!!***

Это — самая распространенная, самая злокачественная болезнь нашей речи.

Это — вытеснение глагола, то есть движения, действия, причастием, деепричастием, существительным (особенно отглагольным!), а значит — застойность, неподвижность. И из всех глагольных форм пристрастие к инфинитиву.

Это — нагромождение существительных в косвенных падежах, чаще всего длинные цепи существительных в одном и том же падеже — родительном, так что уже нельзя понять, что к чему относится и о чем идет речь.

Это — вытеснение активных оборотов пассивными, почти всегда более тяжелыми, громоздкими.

Это — тяжелый, путаный строй фразы, невразумительность. Несчетные придаточные предложения, вдвойне тяжеловесные и неестественные в разговорной речи.

* В 2001, 2003, 2007, 2011, 2012, 2014, 2015, 2016 гг. — (Ред.).

Это — серость, однообразие, стертость, штампы. Убогий, скудный словарь: и автор и герои говорят одним и тем же сухим, казенным языком. Всегда, без всякой причины и нужды, предпочитают длинное слово — короткому, официальное или книжное — разговорному, сложное — простому, штамп — живому образу. Короче говоря, канцелярит — это мертвечина.

Громоздкими канцелярскими оборотами жечь сердца, затронуть душу довольно трудно. Обилие существительных, особенно отглагольных, тяжелит и сушит речь. Фраза со многими косвенными падежами неуклюжа и недоходлива.

*Дико и вредно паровым катком канцелярита заглаживать своеобразие **каждо-**го языка, распространять все шире общегазетный, общепроточольный волапюк...*

*Вольно или невольно ограничивать язык рамками «современно-общепонятного», рамками **фактов и ситуаций, моментов и компенсаций** — все равно, что ту же Волгу и все живые, прихотливые реки и ручьи нашей земли выровнять по линейке и заковать в бетон.*

Нет уж, пусть язык, как река, остается плноводным, привольным и чистым!

Ведь это такое распространенное заблуждение, что ученость и простота — вещи несовместимые, что лопату приличнее именовать «лопатус».

Наукообразие, сухомятка не привлекают к тому, о чем идет речь, а, напротив, отталкивают. Они вредны и опасны. И когда иные теоретики рыбьими словами говорят о верности, дружбе, любви, когда под видом глубокого анализа мертвыми штампами уютжат многое, что нам дорого, будь то величаяя мудрость Ломоносова или мятежная горечь Лермонтова, неповторимые строки Пушкина или емкие, несравненно точные по чувству и интонации рассказы Чехова, когда язык поэзии перекадывают на канцелярит — это ли не кощунство.

И, конечно, ошибка словесная — не то, что ошибка сапера или акробата под куполом цирка. Но помножьте-ка ее на тысячи, миллионы читателей, слушателей — чем измерить вред, нанесенный культуре и языку?

Речь идет о судьбе языка, а стало быть, о нашей культуре и грамотности.

Язык — не прабабушкин полушалок и не дедовское кресло, хоть и они могут быть дороги как память. Чудесный живой и образный русский язык мы обязаны в сохранности передать людям завтрашнего дня. Не зазубить, не растрянжирить, не забывать в пыльных кладовых. Ибо слово, язык — это ведь и духовный мир человека и народа, его честь и совесть.

Все приведенные цитаты из книги Норы Галь несколько суховаты без конкретных примеров. Приведу несколько живых и сочных образцов ее творчества.

В семье двое детей — бой энд гёрл. Почему не сын и дочь, мальчик и девочка? Для «колорита» хватило бы уже известных кока-колы, джинна, виски — так нет же: люди ужинают жареными чикенз, покупают «бутылочки с джиджинджер эль», потягивают оранджус. Писавшийся у нас когда-то на французский манер оранжад давным-давно уступил место апельсиновому соку — зачем же теперь его переводить на английский?

Зачем читателю спотыкаться о джиджинджер эль, да еще почему-то несклоняемый?

«У меня наступил блэк-аут»! И это даже не с английского, это Ст. Лем. А black-out здесь значит — я потерял сознание, у меня потемнело (помутилось) в глазах.

«Эта сказка остается любимой детьми и с наслаждением читается ими». Помилуйте, да почему не сказать хотя бы: «Эту сказку и сейчас любят дети и с наслаждением ее читают»! Ведь и яснее, и убедительней, и, как говорится, динамичнее! Но нет, тот, кто произнес по радио эти слова (сам писатель, да еще обращался он к детям!), предпочел пассивный оборот. А пассивные обороты — верный и неперменный признак канцелярита.

Все язвы и уродства канцелярита, о которых уже говорилось, вдвойне безобразны и нетерпимы в живой речи героев.

Кто поверит герою старого романа, если он объясняется так: «Я убедился, что ваша прекрасная внешность соответствует вашим душевным качествам».

Звучит совсем как пародия! А надо хотя бы: убедился, что душа ваша так же прекрасна, как и лицо.

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА НОРЫ ГАЛЬ

№ 1 от 23 января 1973 года

«Уважаемый друг в третьем колене» (а как все же Ваше имя и отчество?) — спасибо Вам на добром слове!

Мне очень дорого и важно знать, что моя книжка может вот так задеть человека, от наших чисто литературных дел далекого.

Спасибо и за сочувствие. Конечно, один тут в поле не воин. В битве с канцеляритом туго приходится «донкихотам». Но, видите ли, сложа руки тоже сидеть неохота. И я и мои собратья по «оружию» и ремеслу воюем, как можем, делимся тем, что знаем и умеем, чтобы хоть немного прибыло нашего полку. И этот самый ручеек, как ни мал, все же делает свое дело. По письмам, звонкам, рассказам товарищей, знакомых и незнакомых, я знаю: книжка моя уже работает. Она становится чуть ли не настольной у молодых и не очень молодых редакторов и переводчиков, ею пользуются преподаватели — тормозят на семинарах студентов. Кого-то чему-то она помаленьку учит, помогает, расшевеливает мысль, поверьте, среди людей пишущих — говорю о «среднем и младшем возрасте» — немало таких, что не со-

всем еще засохли и оканцелярились, только не знают подчас, как из этой языковой казенщины выпутаться и как с нею бороться. Вот для них я и стараюсь, от них, глядишь, пойдут в мир, в книгу и речь какие-то живые слова, новые «ручейки». Тут ведь тоже возможна некая цепная реакция, как ни грозен против ручейков океан серости и канцелярита. Вот и Вы пишете — с детьми разговариваю «только по писаному», — а теперь, может быть, иной раз и спохватитесь, прислушаетесь к ним и к себе, книжку им подберете получше, живее и поэтичнее. Любовь к языку, к прекрасному, подлинному слову тоже ведь заразительна — и любовь, и тревога о нем. Значит, опять же, я не зря старалась, недаром небо коптила.

А на добром слове еще раз — спасибо!

Всего Вам самого хорошего! — Н. Галь.

Если работаете вместе с Феликсом Ф. или просто встречаетесь с ним, привет ему! Адрес мой он, видно, потерял? Судя по конверту, Вы этот адрес добыли кружным путем, через Ленинград, и добыли — устаревший. Аэропортовская давно переименована, правильно... Не удивляйтесь, что письмо — на машинке: у меня большая рука, печатать мне легче».

№ 2 от 16 ноября 1973 года

«Дорогой Виктор Иванович!

Вы, наверное, просто не в силах догадаться, как тронул и порадовал меня Ваш чудесный подарок. Немедленно водрузила его на письменный стол, не просто, чтобы прижать нужные бумаги, но чтоб можно было в любую минуту отвести глаза от машинки и полюбоваться. Я в незапамятные времена, чуть ли не шести лет, увлекалась «камешками», заваливала дом «коллекциями». И даже в возрасте солидном, в последние свои поездки в горы и к морю, везла в Москву по килограмму разной обточенной морем мелочи — никаких не янтарей, а просто серых, зеленоватых, красноватых, рябых камушков, в родословной которых по моей малой грамотности в этой области не разбираюсь, а смотреть на них могу подолгу.

Занята-то я занята. Но если бы у Вас хватило охоты и досуга немножко рассказать мне о Вашем походе «в поля», поверьте, мне это было бы очень даже любопытно! Откуда же этот Ваш красавец-сахалинец? Как его зовут? По отшлифованному срезу кажется, что внутри этой поразительной дымчато-коричневой рамки, похожей, мне чудится, на олений рог, замкнуто гнездо хрустала — но это совсем дурацкие профанские домыслы. А на свет прозрачна как раз эта темная рамка. И нешлифованная сторона удивительно ложится в ладонь, ее шершавинка — как живая. Здорово!

Спасибо Вам за память, за доброту. Вот не знаю, сумею ли и Вас и еще друзей отдарить, как хотелось. Дело в том, что уже скоро выйдут книги, в которых я так или иначе участвую — сборник «Франция в сердце» с «Письмом заложнику» Сент-Экса, к-рое я переводила заново, сб. Французской новеллы 1900–1939 и «Сад радостей земных» Оутс. Но, боюсь, экземпляров ни в «Прогрессе», ни в «Худ. лит-ре» не выцарапаю, с этим сейчас трудно, особенно со сборниками. Постарайтесь хоть в библиотеке достать, почитайте, мне кажется, Вам будет интересно.

Счастья Вам — в поле и дома, всегда и во всем! Пишите, буду рада.

16/XI-73 Н. Галь».

№ 3 от 29 апреля 1974 года

«Спасибо за память, Виктор Иванович.

Доброго, теплого мая Вам и Вашим близким, здоровья и всяческих успехов. Восьмого марта Вы меня, пожалуй, в какие-то часы не застали бы, хотя я из дому

вылезает редко и образ жизни веду довольно берложный. Но «не осмелился» зай-ти — «постановка вопроса» неправильная, сметь тут нечего, я рада была бы на Вас поглядеть. А потому, на всякий случай, вот Вам телефон... В следующий приезд непременно позвоните (без звонка все же есть риск не застать) — и повидаемся.

Всего Вам доброго.

Жду обещанного рассказа о сахалинском камушке.

Н. Галь».

№ 4 от 17 мая 1974 года

«Спасибо за письмо, дорогой «самый занятый человек в стране»!

Очень славно все, что Вы пишете, и мне все это интересно. Камчатско-вулканическое происхождение камешка очень заинтересовало меня — что же значит «результат молодого вулканизма» — Мб, такие «бомбочки» выбрасываются? Или это вкрапление? (Боюсь, термин не тот, мысль моя профанская — что такая штука сидит где-то внутри, в пласте или в полости, а не выплюнута Плутоном на свет божий.) Невежество нашего брата гуманитария в этих делах, конечно, велико, но я от души посмеялась, что Вы на имени-отчестве нашего Сердолика Халцедоновича поставили ударения! Поверьте, слова эти — хотя бы как слова без расшифровки стоящих за ними качеств и происхождения — мне все же знакомы больше полувека. А любоваться им я не устаю — и всех, кто попадает в мой дом, он сразу завораживает.

Завидую Вашей многосторонности и энергии. Выход в поле с сыновьями, как в 72 г. (а почему, все же, «мерзавцами»?) — это прекрасно! А всей семьей — и того лучше! Видно, ребята Ваши — еще школьники? Счастливым они народ, если пойдут по отцовской «части». Я не преувеличиваю «романтику» профессии и не так уж плохо представляю себе ее тяготы, а все же это одно из лучших занятий на Земле — прямая близость к ней и узнавание ее. И при этом возможны всякие «хобби», которые делают жизнь многогранней и многоцветней.

А вот мое давно уже взрослое «дите», по тому же правилу «яблочко от яблони...» пошло тоже по лит. части — и хотя из нее оч. толковый редактор, критик и пр., нить проходит в русле куда более узком, увы. Не дай боже, если и внука туда же потянет (он-то, правда, еще мал, даже не школьник. Но, как почти все нынешние малыши, увлечен «машинами», т. е. опять-таки далек от Земли-планеты).

Вот так. Что-то много написано.

Всего самого хорошего Вам и всем Вашим!

А всякому рассказу о камнях, Сахалине, вообще о «поле», если когда-нибудь это у Вас состоится, буду рада.

Жму руку. Н. Галь».

